

УДК 327.8 (510+575.2)

**КИРГИЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАК ОБЪЕКТ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

А.В. Белоглазов, Д.Р. Мураталиев

Актуальность данной темы обусловлена геополитической значимостью Центральной Азии, так как протекающие здесь процессы могут оказывать большое влияние на всё постсоветское пространство. В статье рассматриваются интересы Китайской Народной Республики во взаимоотношениях с Киргизской Республикой в начале XXI века. В ходе исследования выявляются особенности отношений двух государств и факторы заинтересованности КНР, а именно безопасность, экономическое сотрудничество и транспортно-логистические возможности.

Ключевые слова: международные отношения; геополитика; Центральная Азия; Китайская Народная Республика; Киргизская Республика.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫ XXI КЫЛЫМДЫН БАШЫНДА БОРБОРДУК АЗИЯДА
КЫТАЙ ЭЛ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН ГЕОСАЯСИЙ КЫЗЫКЧЫЛЫКТАРЫНЫН
ОБЪЕКТИ КАТАРЫ**

А.В. Белоглазов, Д.Р. Мураталиев

Бул теманын актуалдуулугу Борбордук Азия аймагынын геосаясий жактан маанилүүлүгү менен шартталган, анткени бул жерде өтүп жаткан процесстер бүткүл постсоветтик мейкиндикке чоң таасирин тийгизиши мүмкүн. Макалада XXI кылымдын башындагы Кытай Эл Республикасынын Кыргыз Республикасы менен болгон өз ара мамилелериндеги кызыкчылыктары каралат. Изилдөөнүн жүрүшүндө эки мамлекеттин мамилелеринин өзгөчөлүктөрү жана Кытай Эл Республикасынын кызыгуу факторлору аныкталган, атап айтканда коопсуздук, экономикалык кызматташтык жана транспорттук-лигистикалык мүмкүнчүлүктөр.

Түйүндүү сөздөр: эл аралык мамилелер; геосаясат; Борбордук Азия; Кытай Эл Республикасы; Кыргыз Республикасы.

**THE KIRGIZ REPUBLIC AS AN OBJECT OF THE GEOPOLITICAL INTERESTS
OF THE CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC IN CENTRAL ASIA AT THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURY**

A.V. Beloglazov, D.R. Murataliev

The relevance of this topic is due to the geopolitical importance of the Central Asian region, since the processes taking place here can have a great influence on the entire post-Soviet space. The article discusses the interests of the People's Republic of China in relations with the Kyrgyz Republic at the beginning of the 21st century. The study identifies the features of relations between the two states and the factors of interest of the PRC, namely, security, economic cooperation and transport and logistics opportunities.

Keywords: International relations; geopolitics; Central Asia; People's Republic of China; Kyrgyz Republic.

Распад Советского Союза и появление новых независимых государств в Центральной Азии

стали полной неожиданностью для Китайской Народной Республики, что поставило её перед

необходимостью формирования новой центральноазиатской внешнеполитической стратегии. За короткий срок со странами региона были установлены дипломатические контакты, сформирована договорно-правовая база, созданы механизмы и институты многостороннего взаимодействия, а также налажено торгово-экономическое сотрудничество.

С момента появления коалиции НАТО во главе с Соединёнными Штатами Америки в Киргизской Республике и в Республике Узбекистан началось ещё более активное расширение деятельности КНР в регионе и отстаивание своих национальных интересов. По мнению В. Парамонова, А. Строкова и О. Столповского, стремительное расширение присутствия США и их союзников в непосредственной близости от территории КНР было воспринято как желание военно-политического воздействия [1, с. 75, 84]. Таким образом, КНР пересмотрела роль и место региона в системе своих стратегических приоритетов, определив экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии как основной инструмент достижения своих целей.

Географическое положение Киргизской Республики, а именно наличие общей границы с КНР, изначально определило интересы и взаимоотношения двух государств. Стремясь обезопасить свои северо-западные границы (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Китайская Народная Республика сохранила взятый ранее курс на усиление взаимодействия с государствами региона в сфере безопасности [2, с. 176–177], в том числе и с Киргизской Республикой. Так, помимо уже установленных двусторонних взаимоотношений, КНР начала придавать большое значение становлению и укреплению Шанхайской Организации Сотрудничества, к задачам которой также относится пресечение террористических, сепаратистских и экстремистских актов. При этом Китай расценивает создание организации как важное событие на международной арене, способное изменить сложившуюся политическую обстановку, тем самым обеспечив реализацию его стратегических целей в Центральноазиатском регионе, и не допустить усиления присутствия США и их союзников [3, с. 84].

По замыслу КНР, все окружающие её страны должны либо быть нейтральными, либо находиться в сфере её влияния, в связи с чем делалась ставка на «пропекинскую ориентацию сопредельных стран» и «тихую экспансию». Так, по утверждениям китайского журнала «Стратегия и управление», все страны, граничащие с Китайской Народной Республикой, должны находиться под китайским

влиянием, что отвечает интересам безопасности Китая [4, с. 86].

По мере развития сотрудничества решались проблемные вопросы двух государств, такие как определение границ. Также был подписан целый ряд соглашений, наиболее значимым из которых стал Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Киргизской Республикой и Китайской Народной Республикой (2002 г.) [5, с. 90], призванный сплотить оба государства.

Примечательно, что в 2003 г. КНР определила для себя новую концепцию взаимоотношений с Центральноазиатским регионом, в основу которой была положена не только необходимость реализации собственных интересов, но и учёт интересов своих соседей, что позволяет сказать о стремлении к созданию мирного и дружественного окружения вокруг КНР [6, с. 153]. При этом стремление КНР к созданию «пояса безопасности» как в самой Центральной Азии, так и вокруг неё объясняется определением данного региона как собственного стратегического тыла, способного оказывать прямое влияние на Китай [7, с. 85].

При поддержке КНР на межгосударственном уровне начала развиваться транспортная инфраструктура, призванная связать приграничные районы двух государств. Практическую реализацию находят такие проекты, как строительство автодорог Ош – Сары-Таш – Иркештам, Бишкек – Нарын – Торугарт [8], а также железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан, что, по мнению Е. Савковича, определяет центральноазиатские страны как страны-транзитёры, через которые КНР может получить наземный доступ к нефти Ближнего Востока [9, с. 109].

Несмотря на отсутствие запасов нефти и газа в недрах Киргизской Республики, она представляет собой одну из ключевых стран распределения водных ресурсов в регионе, что определяет наличие электроэнергетического потенциала [3, с. 84]. Поэтому в 2004 г. между государствами был подписан Меморандум о взаимопонимании и протокол намерений, что знаменует собой активизацию сотрудничества в энергетической сфере [10]. Так, по мнению О. Алиджановой, для Китайской Народной Республики энергетические ресурсы представляют такую же важность, как сырьё и рынки Центральной Азии [2, с. 173].

Заинтересованность КНР в укреплении торгово-экономического сотрудничества нашло своё выражение в создании двух больших оптовых рынков – Дордой на севере и Кара-Суу на юге. Это позволило позиционировать Киргизскую Республику как ключевой узел ввоза и дальнейшего распространения китайских товаров. Таким образом,

Киргизская Республика является экспортёром 75 % ввозимых в неё китайских товаров, которые позже следуют в Россию и другие страны Центральной Азии [3, с. 92].

Интересно, что на Первом международном форуме «Один пояс – один путь» в Пекине в мае 2017 г. Президент Киргизии А.Ш. Атамбаев предложил дополнить товарные каналы информационными. Для этого, во-первых, необходимо расширить сеть волоконно-оптических линий передачи из КНР в Европу через территорию Киргизии, что, по его мнению, увеличит скорость передачи информации в десятки раз. Во-вторых, важно построить в Киргизии высокотехнологические логистические центры для развития электронной торговли. Иными словами, Киргизия предполагает стать ещё и важным инфраструктурным узлом в передаче информации и хабом для сетевых торговых площадок на первом маршруте китайской стратегии «Один пояс – один путь» [11].

Совместное стремление стран к снижению уровня социальной напряжённости и повышению экономических показателей приграничных районов способствовало созданию зон приграничной свободной торговли. Так, в 2007 г. Правительством КР было одобрено создание центра международной торговли на приграничном участке Ошской области, который позволил решить вопросы увеличения экспорта товаров и создания новых рабочих мест [12].

Однако активный процесс развития глобализации и угроза потери национальной самостоятельности подтолкнули КНР к стремлению придерживаться более жёсткого курса в соблюдении своих национальных интересов [13, с. 440]. С приходом Си Цзиньпина к власти в политический лексикон начала вводиться концепция «китайской мечты», которая в дальнейшем использовалась как инструмент «мягкой силы» [14, с. 5, 20], в том числе и в Центральной Азии.

В этом контексте интересными представляются слова его предшественника Ху Цзиньтао, отметившего, что в современную эпоху, культура становится важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи [15].

По мнению китайских экспертов, необходимо использовать «всеобщие ценности» на основе «равенства и справедливости», в отличие от капиталистической основы «свободы и справедливости» [16, с. 60]. Как отмечает Е. Гарбузарова, концепция «китайской мечты» полностью соответствует основным принципам Национальной стратегии устойчивого развития КР на 2013–2017

гг., и поэтому в Киргизии всё чаще начинают находить поддержку различные культурно-просветительские проекты КНР, углубляются культурные, научные и туристические связи [8].

Важно отметить, что «китайская мечта», отдающая приоритет в основном концепции «Один пояс – один путь», а значит эффективному экономическому развитию страны, предполагает благополучие и возрождение национального самосознания, к чему также стремится и Киргизия. Она определяет своё экономическое состояние как главный фактор суверенитета и национальной безопасности государства [8]. При этом, по мнению Фэна Шаолэя, реализация концепции «Один пояс – один путь» в долгосрочной перспективе должна будет связать Евразийский экономический союз с другими региональными политическими и экономическими структурами, что определяет её как самую уникальную инновационную задачу внешних стратегий Китая в новом веке [17].

Визит в 2013 г. председателя КНР Си Цзиньпина в Киргизскую Республику ознаменовал новый этап в развитии и дальнейшем укреплении киргизско-китайского сотрудничества. Так, среди прочих документов были подписаны соглашения о технико-экономическом сотрудничестве, о строительстве газопровода «Кыргызстан – Китай» и о строительстве автодороги «Север – Юг» в КР. А уже в 2014 г., в рамках ответного визита Алмазбека Атамбаева в Китай, была подписана Совместная декларация КР и КНР о дальнейшем углублении отношений стратегического партнёрства [8], что также позволяет сказать о заинтересованности двух государств в дальнейшем политическом взаимодействии, стратегическом взаимодействии и в развитии стабильности в регионе.

Таким образом, резюмируя всё сказанное выше, можно отметить, что Киргизская Республика находится в сфере геополитических интересов Китайской Народной Республики в связи с целым комплексом факторов.

Во-первых, можно выделить аспект безопасности и политической стабильности. Так, любые деструктивные процессы в Киргизской Республике могут оказывать прямое влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и послужить призывом к подрывной деятельности внутри страны.

Во-вторых, можно выделить экономический аспект. Китай не рассматривает Киргизскую Республику в качестве серьёзного экономического партнёра, однако она является своеобразными воротами для китайских товаров в Центральную Азию, выполняя роль транзитёра. А направление львиной доли киргизско-китайского

торгово-экономического оборота через Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР способствует экономическому развитию региона, что также снижает уровень социальной напряжённости в СУАР. К тому же Китай заинтересован в использовании гидроэнергетических ресурсов Киргизии.

В-третьих, наличие транспортно-логистических возможностей Киргизии способно оказать положительное влияние на реализацию стратегии «Один пояс – один путь». Кроме того, Киргизия, как член Евразийского экономического союза, способна стать важным элементом в его сопряжении с Экономическим поясом Шёлкового пути, который реализуется с 2015 г., а в перспективе и стыкочным звеном при создании Большого евразийского партнёрства.

Литература

1. *Парамонов В.* Внешняя политика Китая в Центральной Азии / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский // *Центральная Азия и Кавказ*. Лулео, 2010.
2. *Алиджанова О.* Современные парадигмы экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии / О. Алиджанова // *Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф.* Чита: Изд-во Забайкальск. гос. ун-та, 2017.
3. *Дадабаева З.* Киргизия и Таджикистан между Россией и Китаем / З. Дадабаева // *Россия и современный мир*. 2015. № 3 (88).
4. *Каукенов А.* Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества / А. Каукенов // *Центральная Азия и Кавказ*. Лулео, 2007. № 3 (51).
5. *Большаков А.* Внешняя политика Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве / А. Большаков // *Политэксп: политическая экспертиза*. 2010. № 2.
6. *Демиденко С.* КНР и государства ЦАР / С. Демиденко // *Центральная Азия. Геополитика и экономика региона; Институт стратегических оценок и анализа*. М., 2010.
7. *Клименко А.* Центральноазиатский вектор политики КНР: интересы Китая и его влияние на стратегическую ситуацию в регионе / А. Клименко // *Мировые державы в Центральной Азии*. М., 2011.
8. *Гарбузарова Е.* «Стратегическое партнёрство» Кыргызстана и Китая в экономической сфере: перспективы и риски / Е. Гарбузарова // *Universum: общественные науки*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-kyrgyzstana-i-kitaya-v-ekonomicheskoy-sfere-perspektivy-i-riski> (дата обращения: 18.04.2019).
9. *Савкович Е.В.* Развитие сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии в 2000-х годах / Е.В. Савкович // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История*. 2011. № 4 (16).
10. Архив Президента Кыргызской Республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3700. Л. 11.
11. Президент Алмазбек Атамбаев выступил в ходе заседания круглого стола лидеров стран-участниц форума «Один пояс – один путь» // Сайт Президента Кыргызской Республики. URL: http://www.president.kg/ru/news/9733_prezident_almazbek_atambaev_vyistupil_v_hode_zasedaniya_kruglogo_stola_liderov_stran-uchastnits_foruma_odin_poyas__odin_put/ (дата обращения: 15.05.2019).
12. Архив Президента Кыргызской Республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6373. Л. 13, 14.
13. *Мухаев Р.Т.* Геополитика / Р.Т. Мухаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2010. 839 с.
14. *Новосельцев С.В.* Концепция «китайской мечты» и её практическое применение / С.В. Новосельцев // *COMPARATIVE POLITICS*. 2016. № 1 (22).
15. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290184.html> (дата обращения: 19.06.2019).
16. *Борох О.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» / О. Борох, А. Ломанов // *Россия в глобальной политике*. 2012. Т. 10. № 4 (июль – август).
17. *Шаолей Ф.* Предпосылки и перспективы развития внешних стратегий Китая в новом веке / Ф. Шаолей // *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Predposylki-i-perspektivy-razvitiya-vneshnikh-strategii-Kitaya-v-novom-veke--17817> (дата обращения: 03.05.2019).